

Ирина Парамонова

МОЛНИЯ

ПОД ЁЛОЧКУ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ
«ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИЗ ВЕКА В ВЕК»

Ирина Парамонова

**Молния под ёлочку.
Преступления из века в век**

«Автор»

2025

Парамонова И. Ю.

Молния под ёлочку. Преступления из века в век /
И. Ю. Парамонова — «Автор», 2025

Исторические детективы серии «Преступления из века в век» по материалам судебного архива 18-20 вв. Шпионы и предатели, первые фейки и диссиденты, побег любовницы от родственника Жуковского и обвинение Льва Толстого в убийстве, наказание войной и кнут за острое слово. Издание сопровождают фото из уголовных дел и личные письма. Многие документы публикуются впервые.

© Парамонова И. Ю., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Молния под ёлочку. 1877	6
Решетка от самовара. 1879	19
Бык Льва Толстого. 1872-1873	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

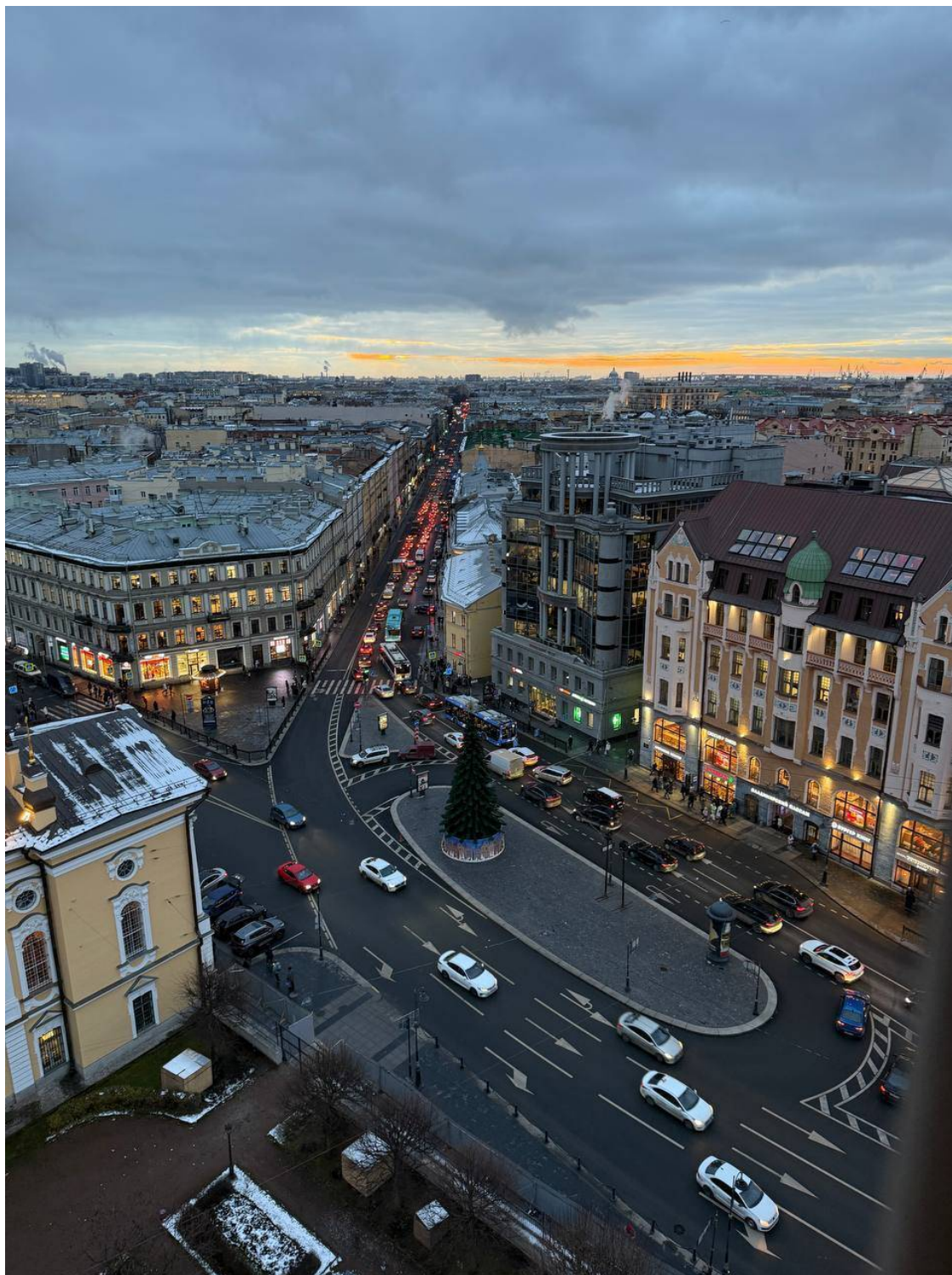
Ирина Парамонова
Молния под ёлочку.
Преступления из века в век

Молния под ёлочку. 1877

– Господи, и тут молнии!

Огоньки фейерверка змейками стрел устремлялись ввысь. Город отмечал новый 1877-й год.

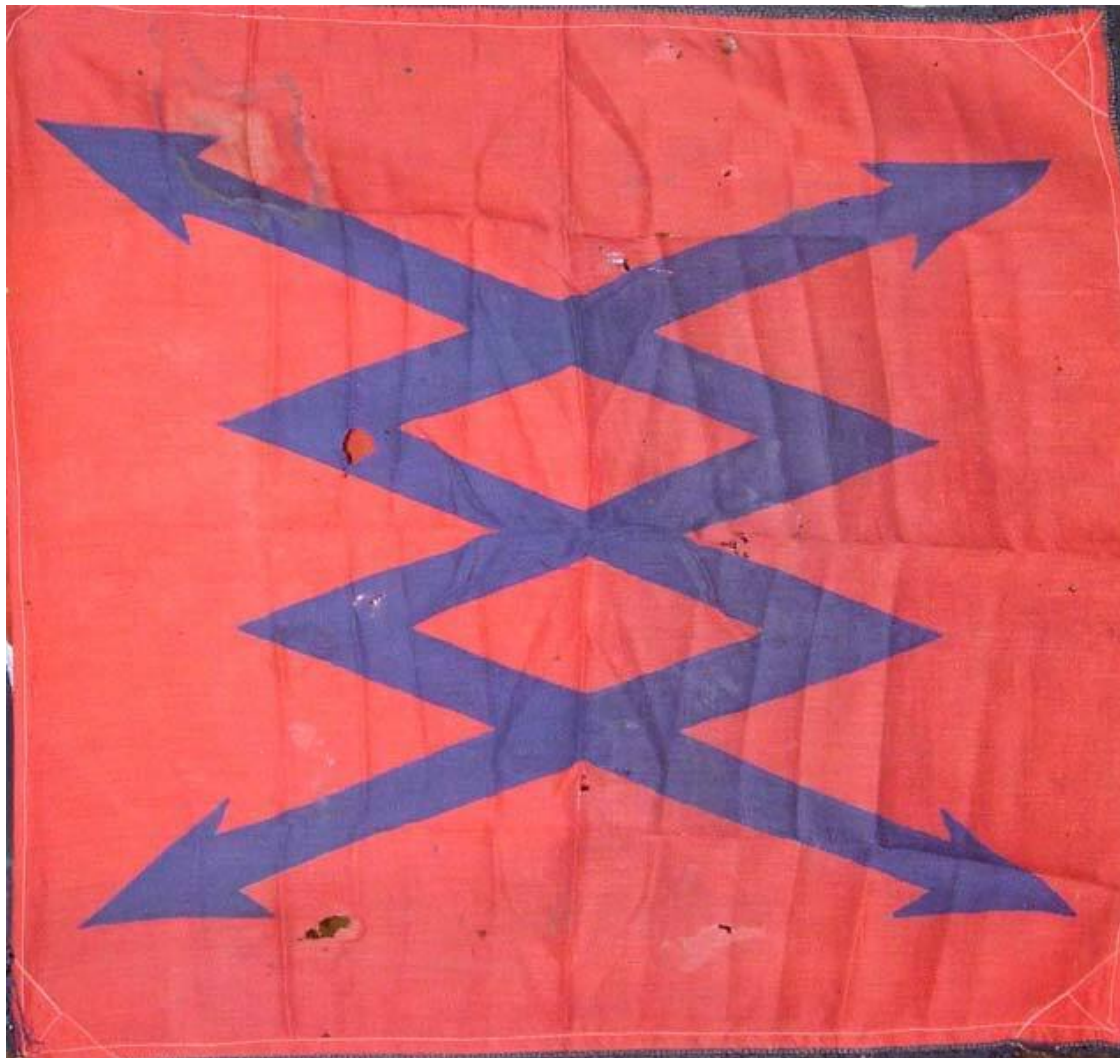
Полицмейстер Тришатный любил фейерверки с детства. Ах, как красиво сияло ночное зимнее небо в Александрии и Петергофе. Старшая сестра Надя служила фрейлиной у Александры Федоровны, братья Левушка и Костя – пажи Его Императорского Высочества. Он тоже примерил пажеский мундир. Но после скандальной отставки папеньки Александра Львовича Пажеский корпус остался в мечтах – сыну разжалованного в рядовые генерала разрешили поступить только в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. И то, слава Богу! С юнкерами в Новый год поднимались на звонницу Владимирского собора – звонарь приходился родней кому-то из товарищей.

С колокольни Владимирского собора по-прежнему открываются удивительные виды Санкт-Петербурга. Фото автора

С юности каждый раз в новолетие Александр Александрович Тришатный смотрел на огненную россыпь с самой высокой точки города – сейчас с пожарной каланчи на Киевской улице в Туле. Не забавы ради – для дела. Чтобы все держать под контролем. И, если где-то полыхнет, то рвануть на адрес вместе с пожарным обозом.

31 декабря 1876 года господин полицмейстер – гвардии штабс-капитан Тришатный выглядел особенно сосредоточенным. Натянут как тетива у лука Одиссея. Ему всюду мерещились стрелы телеграфной молнии. Вон, она, зараза, маячит на флаге Телеграфного управления на Почтовой.

Флаг Телеграфного управления с символом телеграфа стрелками-«молниями».
Фото автора. Оригинал хранится в Веневском краеведческом музее

Грозой и молнией разразилась лживая телеграмма о грабителях с арканами и комендантском часе в «его» Туле.

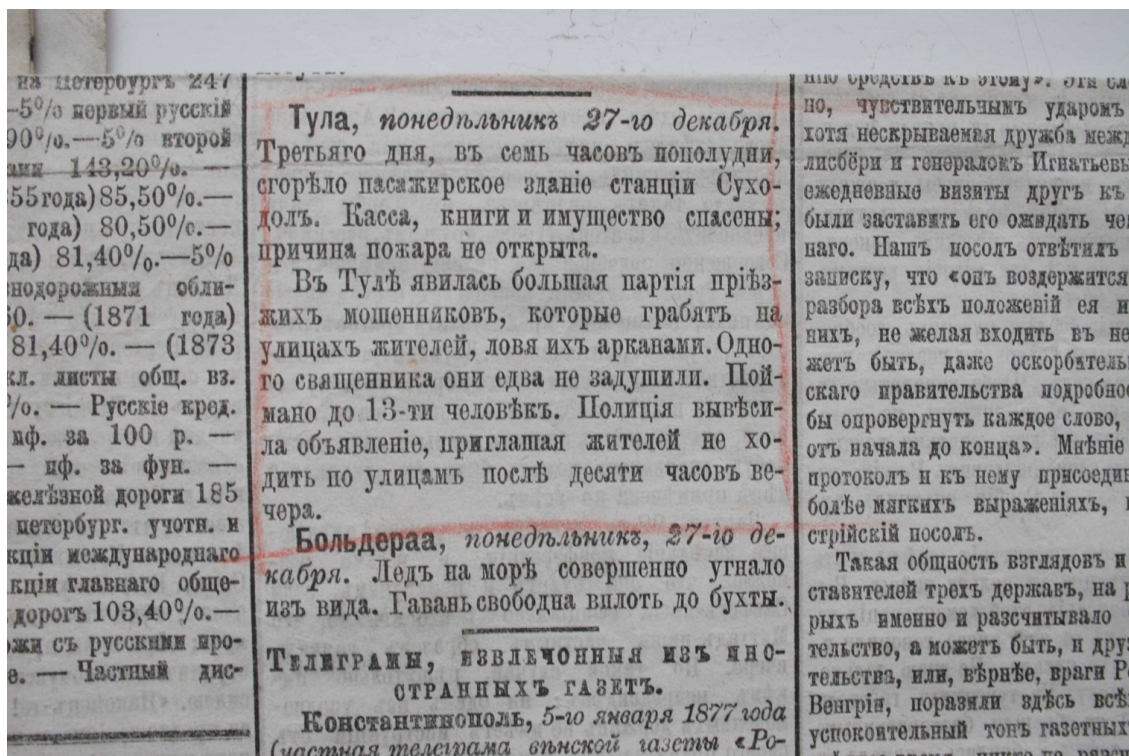
– Это надо же такое устроить! Все газеты растрезвонили, что полиция запретила выходить на улицы после 10 часов вечера – и это в канун Нового года. К счастью, у типографских рабочих нет зимних каникул, и успели отпечатать листовки с опровержением. Горожане ликуют, радуясь огонькам фейерверка. Значит, панику удалось предотвратить. И пусть все смеются над «неграмотным полицмейстером» – в спешке листовки полны ошибок, даже «не» с глаголом написали слитно. Смеется тот, кто смеется последним. И это будет он, штабс-капитан Тришатный, когда поймает и доставит в участок виновного в распространении ложных слухов.

28 декабря 1876 года в Санкт-Петербургской газете «Голос» появилось следующее сообщение:

«Тула, понедельник 27-го декабря.

Третьего дня, в семь часов по полудни, сгорело пассажирское здание станции Суходол. Касса, книги и имущество спасены; причина пожара не открыта.

В Туле явилась большая партия приезжих мошенников, которые грабят на улицах жителей, ловя их арканами. Одного священника они едва не задушили. Поймано до 13 человек. Полиция вывесила объявление, приглашая жителей не ходить по улицам после десяти часов вечера».

С этой публикации в «Голосе» началось уголовное дело о распространении ложных слухов. Фотокопия автора. Оригинал хранится в Государственном архиве Тульской области

Скандалную новость подхватили другие российские газеты. На следующий день аналогичную информацию напечатали и «Московские ведомости». Петербургские газеты, в отличие от московских, приходили в Тулу с небольшим опозданием, поэтому «о мошенниках с арканами» в городе узнали только 29 декабря.

В городе разразился настоящий скандал: обыватели атаковали полицейские участки, требуя объяснений, можно ли вечером гулять по Туле. Тревожные вести дошли и до губернатора Ушакова, который тут же вызвал к себе тульского полицмейстера Тришатного.

– Сергей Петрович! Ваше превосходительство! Простите, Бога ради! Клянусь, никакой шайки в Туле и в помине нет. Это чья-то злая шутка!

– Шутки в сторону! Сегодня весь город у меня на новогоднем приеме. Только и разговоров про арканы! Чтобы к вечеру развесить везде объявления с опровержением! Надо людей успокоить. И найди мне этих юмористов!

На выходе из кабинета старший чиновник особых поручений титулярный советник Александр Михайлович Римский-Корсаков вручил полицмейстеру приказ губернатора:

«Открыть лицо, виновное в оглашении путем печати ложных сведений о состоянии города и действиях городской полиции, возбудив против него преследование».

– Давай, гони в типографию! – крикнул Тришатный кучеру. И тут же в экипаже карандашом набросал объявление.

«ОБЪЯВЛЕНИЕ»

В полученных с сегодняшней почтой газетах напечатана телеграмма из Тулы, извещающая что здесь появилась большая шайка мошенников, которая грабит жителей на улицах, ловя их арканами, что арестовано 13 человек и, будто бы, полиция приглашает обывателей не ходить по улицам после 10 часов.

Полицейстер г. Тулы считает долгом объявить во всеобщее сведение, что в Туле никакой шайки мошенников грабящих жителей, ловя их арканами, – не появлялось и не существует, и что полиция никаких приглашений или объявлений неходить по улицам после 10 часов не делала.

Полицейстер Тришатный.

29 декабря 1876 г.

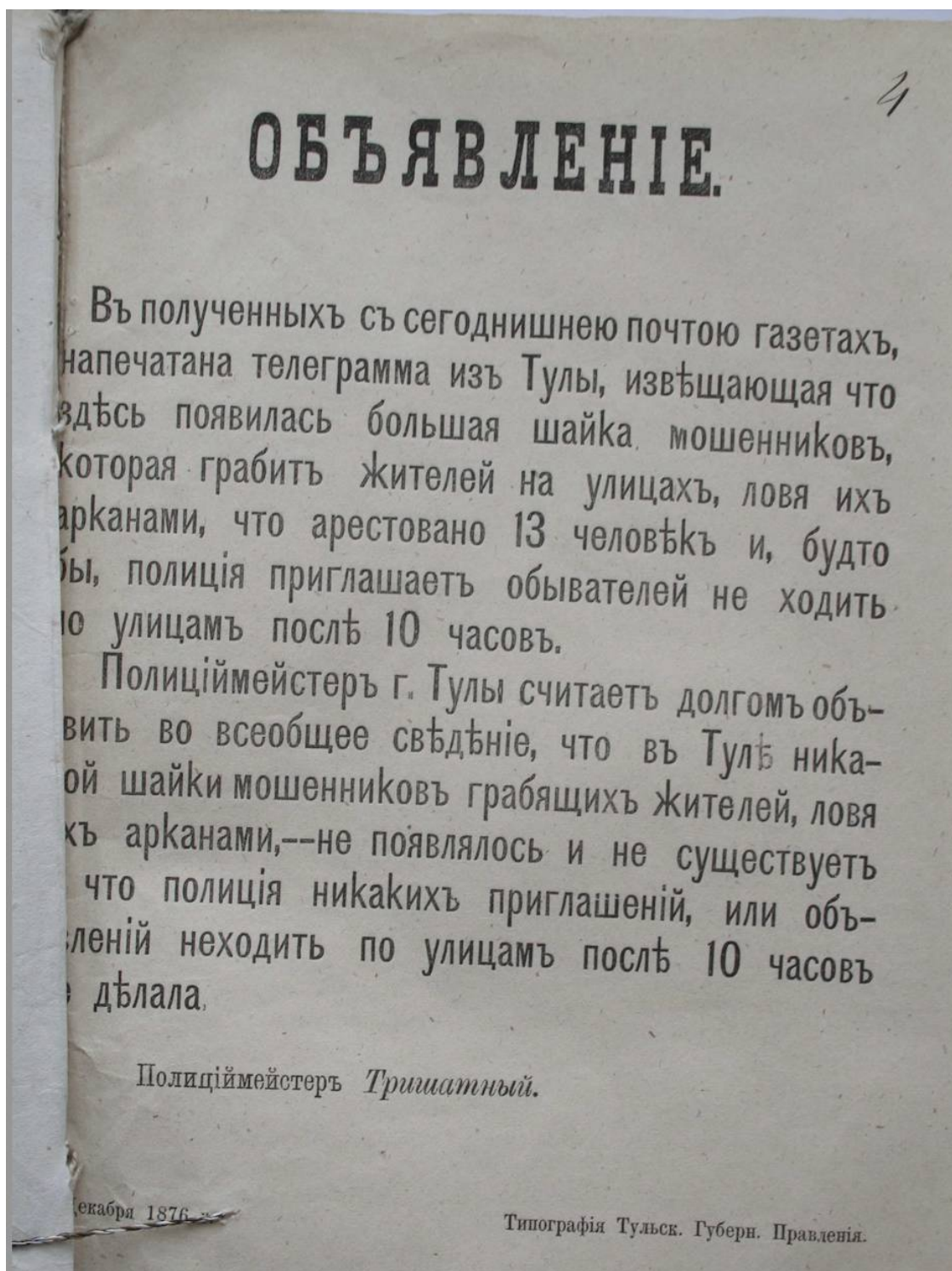
Типография Тульск. Губерн. Правления.»

До типографии всего четыре квартала.

– Давай, дело срочное! Зови всех! – крикнул Тришатный всегда любезному старику-швейцару.

Полицейстер взлетел по лестнице в приемную губернского правления.

– Немедленно в набор и печать!

В Тульской губернской типографии внушительным тиражом отпечатали объявление, опровергающее газетные сообщения. В губернском правлении так спешили, что отдала документ в печать без корректорской правки. Фотокопия автора. Оригинал хранится в Государственном архиве Тульской области

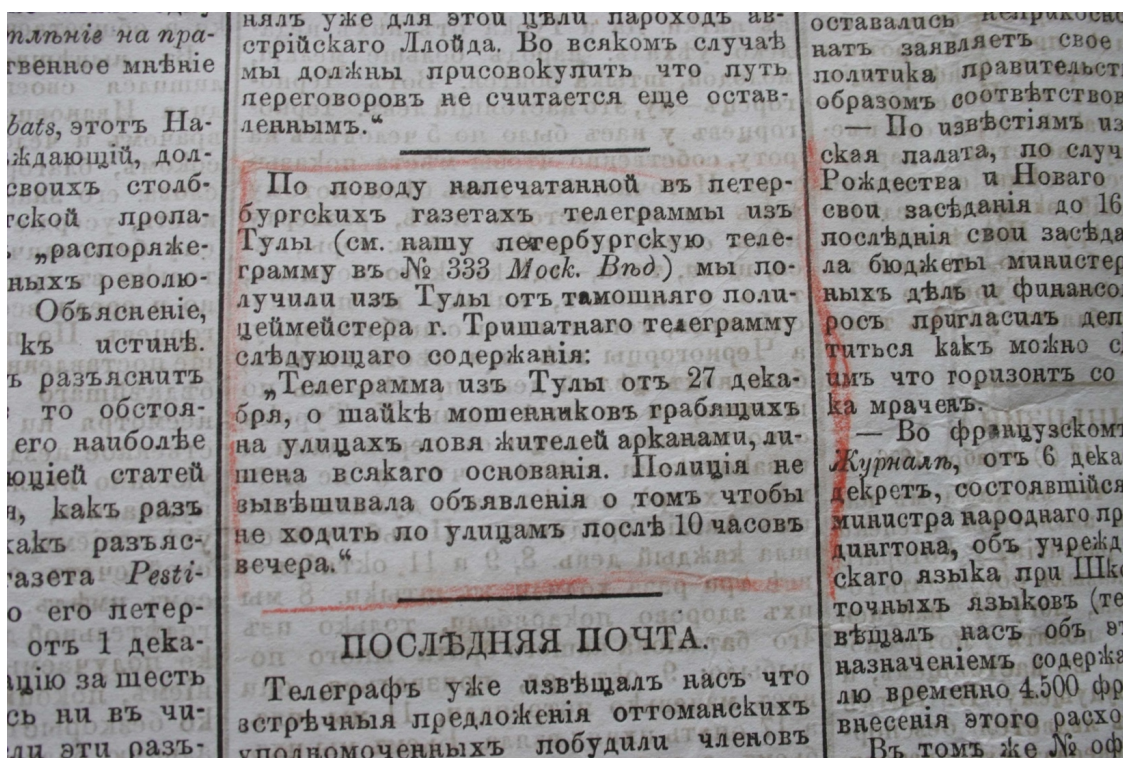
Пачку еще теплых от печатного станка листовок Тришатный вручил приставу. Он уже поднял по тревоге городских. И они мгновенно рассеялись по зимней Туле, вручая и расклеивая листовки по всюду.

Десяток листовок Тришатный оставил себе. И помчался на Телеграф. Отбить телеграмму в столичные газеты с опровержением. Дежурный телеграфист несколько раз перечитал текст листовки. Один экземпляр подшил в журнал.

– Принято!

«По поводу напечатанной в петербургских газетах телеграммы из Тулы (см. нашу петербургскую телеграмму в № 333 Моск. Вед.) мы получили из Тулы от тамошнего полицеймейстера г. Тришатного телеграмму следующего содержания:

«Телеграмма из Тулы от 27 декабря, о шайке мошенников грабящих на улицах лова арканами, лишена всякого основания. Полиция не вывешивала объявления о том чтобы не ходить по улицам после 10 часов вечера».

Опровержение в «Московских ведомостях». Фотокопия автора. Оригинал хранится в Государственном архиве Тульской области

Сразу после Нового года Тришатный рванул в столицу. Давно хотел навестить Наденьку с семейством.

– Боже, как она поет! Говорят, что сам Степан Александрович Геденов, директор Императорских театров, в свое время мечтал увидеть ее в опере... Брат Левушка, курский вице-губернатор звал на Святки к себе в Благодатное – Ефремовское имение, Костя приглашал погостить в Пятигорске, здоровье поправить... Но все же Санкт-Петербург сейчас важнее. Искать дезинформатора надо здесь.

Визит в редакцию «Голоса» ничего не дал. Разве что познакомился с «самим» Краевским и был в доме «самого» Некрасова. Ох, уж, эти литературные круги.

В эпоху юнкерской юности по Петербургу ходил анекдот про госпожу Архарову.

Она была приглашена на бал в Высочайшем присутствии. При входе в залу дама, даже преклонных лет, как Архарова, первым делом должна была поклониться и представиться Царской чете. И вот, войдя в комнату, в залу, она вдруг обнаруживает, что одна из ее нижних юбок развязалась. Они крепились на завязках. Вот что на её месте сделать? Она дала возможность этой шёлковой юбке упасть, переступила и пошла дальше...

– Да, в жизни надо уметь опустить и переступить, чтобы идти дальше.

Размышлял Тришатный, выходя из редакции «Голоса» на Литейном – там же размещалась и квартира Краевского.

Архарова «отпустила» мужа, у которого вне брака родился сын Андрей Александрович Краевский. Редактор, литератор. Один из основателей «Современника» и «Отечественных записок». Досье так себе. Циник и делец. Как и Некрасов, впрочем. С которыми они были женаты на родных сестрах.

Николай Алексеевич так и живет в этом доме. Говорят, смертельно болен.

Издатель «Голоса» вполне бодр. Тираж до 20 тысяч. Представляю, сколько читателей мы потешили депешей из Тулы...

Рассказывают, что Достоевский описал в «Слабом сердце» реальный эпизод, как редактор «Голоса» спас журналиста от армии, но в итоге закабалил в редакции. Может, тоже газету открыть? Судя, по Краевскому, дело доходное... Нет, уж, лучше в полиции

«Новый год в журналистике». Шарж сатирического журнала «Искра» на переход «Отечественных записок» от Краевского к Некрасову в 1868 году. Фото из открытых источников

В поисках дезинформатора Тришатный направлялся на Почтамтскую – к директору Международного телеграфного агентства. От него «Голос» получил информацию о грабителях с арканами в Туле.

– Граф-телеграф. Технический прогресс. Это ведь чудо! В любую точку мира можно мгновенно отправить телеграмму. Сквозь время и расстояния. «А что в конверте курьеру знать не должно», – так учили будущих фельдъегерей. А тут – все открыто для дежурного телеграфиста. Все информационные потоки в его руках. Отсюда новости летят по всему миру. Наверное, чувствует себя Зевсом-громовержцем. Насыляет гром и молнии. Вот она на флаге Центрального телеграфа.

Отсюда и словечко журналистское новое «молния».

Как синоним срочного сообщения. Посмотрим, кто здесь метнул молнию «Голосу».

В помещении Международного телеграфа в Санкт-Петербурге. Фото из открытых источников

Дежурный телеграфист, узнав по какому делу прибыл из Тулы полицмейстер, вызвал секретаря директора Телеграфного департамента. И гостя проводили в приемную.

– Карл Карлович Людерс. Чем могу помочь?

Тришатный положил на стол папку с бумагами о деле о распространении ложных слухов.

Через полчаса Тришатный вышел на Мойку и решил зайти в Исаакиевский собор. Надо перевести дух.

Телеграфное агентство распространило информацию о происках грабителей с арканами из телеграммы, которая поступила из Тулы. От собственного корреспондента агентства. Некой Матякиной. После чего информацию они передали во все газеты. Следы ведут обратно в Тулу.

Мария Ивановна Матякина встречала Святки в кругу сослуживцев мужа. Коллежский секретарь Матякин покинул этот мир, но вдовица осталась душой их старой компании.

Денег на особые подарки у нее никогда не было. Одна пенсия. Но в этот раз Господь дал легкий заработок.

Друг семьи устроил ее журналистом в агентство новостей и даже выдал первый гонорар. Хватило заплатить за квартиру в доме Блюмера и на гостинцы...

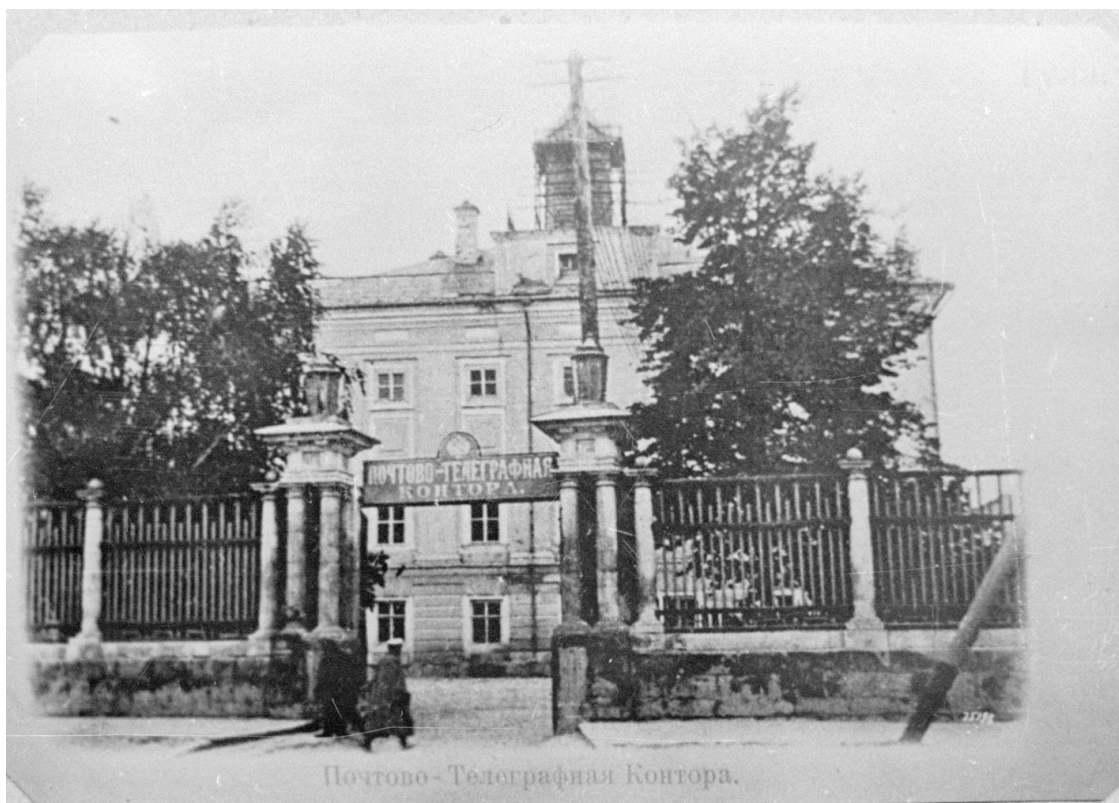
Черeda январских праздников пролетела как один день. И вот уже Крещение Господне. Мария Ивановна пошла в храм святых апостолов Петра и Павла на Калужской улице специально в день отдания праздника Богоявления – чтобы не толкаться и после водосвятия набрать Крещенской воды.

Дома ее ждал пристав 2-го участка – Федор Иванович Шамаев. Адрес подсказал начальник Тульской телеграфной станции капитан Альберт Романович Берг.

– Мария Ивановна, прошу проследовать со мной.

Шамаев помог сесть даме в экипаж. И извозчик погнал в участок. В дом полицейского управления с пожарной каланчой на Киевской.

Тришатный уже допросил господина Берга и хотел задать пару вопросов Матякиной. А потом устроить очную ставку. В общих чертах дело выглядело так.

Здание Тульской почтово-телеграфной конторы. Фото из архива автора

В начале декабря 1876 года к начальнику правительственного телеграфа в Туле г. Бергу приезжал агент Международного телеграфного агентства Авсянников. Он просил подыскать в городе человека, который мог бы сообщать разные известия из Тулы. Берг знал, что жена его приятеля Матякина только схоронила мужа и «ищет занятий». Берг охарактеризовал ее агенту как женщину тихую, скромную, порядочную и способную поработать на агентство.

Но за целый месяц ничего интересного в Туле не произошло. По словам Матякиной, это Берг научил ее составить телеграмму о мошенниках, чтобы получить вознаграждение. Она только подписала ее, надеясь получить гонорар из «Голоса».

Берг, естественно, ото всего отпирается и вины своей в подстрекательстве не признал. Пояснил, что телеграммы не видел – ее принял и отправил в Санкт-Петербург кто-то из дежурных телеграфистов. Их в управлении было четверо. Не имеющие чина Александр Ильич Акимов, Иван Каэтанович Карпович, Александр Иванович Смирнов, Александр Бельский и надзиратель Григорий Гурьев. Что с них взять?

– Александр Александрович, думаешь, ее рук дело? – отослав Матякину домой до особо распоряжения, поинтересовался Федор Иванович Шамаев у Тришатного.

– Да, похоже, разыграли барышню телеграфисты, обвели по наивности. Но стоят намертво, Берга ни за что не сдадут. Все улики против нее. Даже жалко ее. Не думал, что таким будет финал этой истории.

Храм святых апостолов Петра и Павла на Калужской улице, фото из архива автора

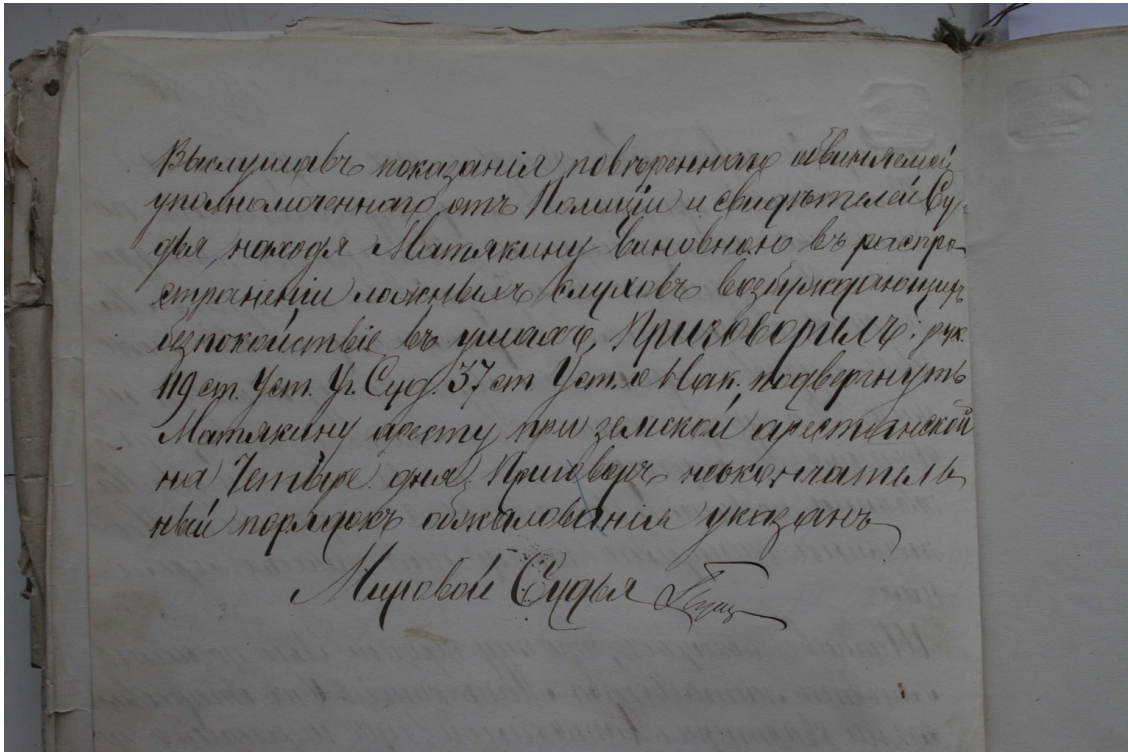
На Калужской улице во всю звонили колокола Петропавловского храма, отмечая престольный праздник. Мария Ивановна с тяжелым сердцем ходила на Литургию, исповедаться перед судебным процессом. Дело назначили к слушанию в доме у мирового судьи 1-го участка Тулы на Ново-Павшинской улице.

Мировой судья Николай Иванович Пущин вызвал обвиняемую в суд повесткой на 13 июля 1877 года, Берга с телеграфистами – как свидетелей.

Разбирательство длилось два дня.

– Николай Иванович-то строг! Четыре дня ареста при земской арестантской.

- Скажи спасибо, что так! Вчитайся в формулировку приговора – виновна в «распространении ложных слухов, вызывающих беспокойствие в умах».
- Ладно, посмотрим, что скажет Мировой Съезд.
- Подшивая приговор, обсуждали «громкое дело» служащие канцелярии суда.

Приговор мирового судьи по делу о распространении ложных слухов. Фотокопия автора. Оригинал хранится в Государственном архиве Тульской области

Три месяца спустя в октябре 1877 года Съезд мировых судей Тульского округа по жалобе Матягиной, заменил арест штрафом в 10 рублей. Которые вдовушка тут же и заплатила, дело было закрыто.

За это расследование полицмейстер Тулы Александр Александрович Тришатный получил орден Святой Анны 2-й степени – указ подписали 1 августа 1877 года.

– Первый твой орден, штабс-капитан! Ничего никогда не бойся! Где наша не пропадала! Могли ведь и в отставку отправить. Такие дела, брат! – поглаживая лаковое покрытие ордена рассуждал Тришатный.

Через полгода уйдут из жизни его старшие братья Левушка и Костя. Младший Иосиф, каширский полицмейстер, теперь в отставке, занялся бизнесом в Москве. Александр Александрович по-прежнему служил полицмейстером в Туле.

Из дневника князя Дмитрия Дмитриевича Оболенского:

«18 ноября 1879 года Император Александр II проезжал через Тулу, на обратном пути из Крыма. Губернский предводитель дворянства Самарин и я (Епифанский уездный предводи-

тель дворянства, только что пожалованный в должность италмейстера) встречали Государя на вокзале. По обыкновению, приветливо поговорив с некоторыми, Государь проследовал дальше...

Пока я ждал на вокзале поезд Свиты, чтобы вместе ехать до Москвы, подошел ко мне тульский полицмейстер Тришатный, очень утомленный, но и очень довольный, что царский поезд благополучно проследовал через Тулу. Уж наслушался я от него страхов, и что рельсы-то набиты чем-то, и торпеды готовят бросить под царский поезд – просто ужасы! Я недоверчиво качал головою...»

Взрыв свитского поезда под Москвой, 19 ноября (1 декабря) 1879 года. Взорвался вагон с фруктами, никто не пострадал. Фото из открытых источников

Как и опасался Тришатный, террористы готовили покушение на Императора Александра II, но полиция оказалась хитрее. Обычно из соображений безопасности Императорский поезд следовал за свитским – с отставанием минут на 30. Террористы, зная эту схему, пропустили первый состав – а именно в нем и ехал Император, и взорвали второй вагон свитского, в котором везли крымские фрукты.

Решетка от самовара. 1879

– Попили чаю, можно и в тюрьму, – Алексей Баташев закрыл потуже краник фирменного самовара, осушил громко по-тульски до дна блюдце и поставил любимую чашку костного фарфора на медный поднос.

Полицмейстер Тришатный терпеливо ждал, пока самоварщик закончит церемонию, чтобы вместе покинуть здание фабрики.

– Алексей Егорович, пора и честь знать. Николай Иванович ждать не любит.

«Что-то в последнее время я к Пушину зачастил. И все какой-то особый случай. То ложные слухи. Теперь вот фальшивые самовары. То ли еще будет! – тульский полицмейстер пытался шутить. – А что еще оставалось? Год всего прошел, а как жизнь изменилась, Господи! Оба брата ушли на небеса вслед за Некрасовым. На войну что ли пойти – товарищи юнкера вон бьются с турками. А я самоварщика в суд тащу... Слава Богу, хоть свитский поезд не в Туле взорвали...»

Тришатный решил пройтись с подсудимым пешком. В назидание. Хотя идти недалеко. И день прекрасный, поздняя осень 1879-го года.

Николай Иванович Пушин, судья 1-го мирового участка города Тулы, рассматривал дела в своем доме на Ново-Павшинской улице. Свидетель — уважаемый купец, владелец торгового дома Василий Пахомович Ширяев – уже ждал у входа в здание.

Тут же маячил юркий репортер информационного агентства Майский. Он заранее набросал «рыбу», чтобы успеть дать новость.

«Самоварный самопал.

Нечестная конкуренция и борьба за покупателей обернулась тюрьмой для известного тульского самоварного фабриканта Алексея Баташева.

Тульские самовары уже столетие известны всему миру. Они выставлялись на Всемирных промышленных выставках в Париже и Лондоне. Золотые медали украшают пузатые бока лучших тульских водогреев, делая их похожими на этикетки коллекционных вин»...

Майский, уже зная суть дела от секретаря, решил зайти издалека.

«Цена самовара определяется заслугами производителя. Но не только. Она зависит от объема самовара и содержания в нем меди. Самовары продаются в Туле на вес, по средней цене 18-25 рублей за пуд. При условии, что это медь. Баташев, чтобы уменьшить себестоимость продукции и продавать самовары дешевле, чем конкуренты, делал их тяжелее с помощью чугуна и свинца. И попался на обмане покупателей.

Началось все с судебного иска жителя далекого Нухинского уезда Аллахведова к торговцу Ованесу Давыдову. Аллахведов купил в его лавке тульский самовар весом в 14 фунтов за 12 рублей, но, вернувшись домой, обнаружил, что купил фальшивку: в самоваре стояла чугунная, а не медная решетка. Ованес извлек ее из самовара, весы показали – почти 5 фунтов!

В Нухинском мировом суде началось разбирательство. Давыдов рассказал, что в июне 1879 года ездил в Тулу за партией самоваров. День ходил по разным лавкам и обнаружил, что в магазине торгового дома «Н. А. Сапунов и В. П. Ширяев» нужный ему товар стоит гораздо дешевле: всего 16 рублей за пуд. Перекупищик страшно обрадовался, что может сэкономить,

и купил четыре дюжины самоваров. О том, что ему вручили водогреи с чугунной решеткой, узнал уже от Аллахведова.

По судебным повесткам в Нухинский мировой суд пришлось приехать владельцам тульского торгового дома. Но и Ширяев, и Сапунов смогли убедить суд в своей невиновности: показали документы, подтверждающие, что они сами жертвы обмана, покупали товар на Баташевской фабрике как чистый вес меди.

В итоге Нухинский мировой судья принял решение о привлечении к уголовной ответственности тульского фабриканта и направил все материалы дела в Тулу».

Все вместе они вошли в зал заседаний. Вот и судья.

– Ну что, братцы, дело-то решенное, – Николай Иванович пристально посмотрел на Баташева.

И огласил приговор.

«Судья, находя допрос свидетелей излишним и обвинение Баташева в мошенничестве доказанным, приговорил: руководствуясь 119 статьей Уст. Уг. Суда и 173 ст. Уст. о нак. подвергнуть Баташева заключению в тюрьму на 2 месяца, а впредь пока приговор войдет в законную силу, содержать его в Земской арестантской, если не будет представлено залога или поручительства на сумму 100 рублей. Приговор неокончательный, порядок обжалования объявлен. Что сверху на четвертой странице написано: «Представленная решетка плотно вдельываемая в самовар Баташева», то верно.

Мировой судья Пуцин».

– Алексей Егорович, вам все ясно?

– Да, ваше превосходительство. Управляющий сейчас привезет залог. А потом посидим... Попьем чайку... Дело хорошее...

В Штаты со своим самоваром. 2005

– Вот тебе, бабушка, и тульский самовар, – огорченный мистер Смит вышел из здания суда.

По иронии судьбы судебное разбирательство состоялось в бывшем здании самоварной фабрики Баташевых. Ее фирменную продукцию он так мечтал купить. Порадовать бабушку, родом из Тулы. Но, увы и ах.

Самоварная фабрика В.С. Баташева на фото с открытки конца 19-го века – в корпусе справа в 20-м веке разместился Советский районный суд. Фото из архива автора

Съемочная группа местного телеканала решила записать стендап у входа в суд.

– Сегодня Советский районный суд города Тулы рассмотрел дело о мошеннике, который заработал 20 тысяч долларов на продаже виртуальных самоваров. Аферист обманул более ста американцев, которые мечтали пить дома чай из настоящего самовара.

*Самоварный аферист воспользовался доверчивостью иностранных граждан, привыкших совершать покупки через интернет-магазины. Злоумышленник про профессии чертежник и сам создал красочный сайт *samovars*. Там можно было узнать историю самоварного производства, познакомиться с традициями русского чаепития, а также приобрести самовар. На отдельной вкладке помещался каталог самоваров от старинных до современных электрических по цене от 200 до 800 долларов. Покупателю предлагалось заполнить бланк заявки, отправить его по электронному адресу в интернет-магазин «Русский самовар», получить контракт с реквизитами фирмы и оплатить заказ через систему *Western Union*. Через 10 дней фирма обещала прислать выбранный самовар.*

«Русский самовар» работал три года. За это время трое иностранцев стали обладателями заветного тульского брэнда, а более ста человек, в основном граждан США, остались с носом. Чтобы запутать следы, мошенник пользовался услугами нескольких банков, как тульских, так и столичных. Несколько раз деньги переводились на подставных лиц, которые ничего не знали о проделках приятеля, довольствуясь символической платой за помощь в получении перевода – от 10 до 20 долларов. По приговору суда, с учетом раскаяния и полного признания вины, чертежник получил несколько лет условного лишения свободы.

Это дело прогремело на всю страну и вошло в анналы региональной криминальной истории. Впервые нашим спецслужбам довелось поработать вместе со специалистами Федерального бюро расследования США. Именно ФБР собирали доказательства того, что американцы действительно направляли деньги за самовары и ничего взамен не получили.

Ирина Елагина, август 2005 года, специально для НТВ.

– Ириш, все супер записали с первого раза. Давай на базу...

Журналисты нырнули в редакционную «шестерку», и машина с ревом помчалась по улице Лейтейзена. Смит никак не мог запомнить это название. На старых картах фабрика В.С. Баташева находилась на Грязевской улице – звучит тоже не очень, но более понятно. За столетие чище тут не стало.

– Мистер Смит! Не спешите! Минуточку внимания!

Смит обернулся. Парень из Садового переулка – так в Туле называли сотрудников спецслужб, улыбался и махал рукой.

– Мы разыскали для вас настоящий баташевский самовар!

Самовар фабрики В.С. Баташева. Фото из открытых источников

Мир не без добрых людей. Нашелся коллекционер, который согласился уступить один из раритетов потерпевшему из Америки. Не за двести баксов, конечно, но по приемлемой цене. Не зря же он прилетел из-за океана на судебный процесс. Так что домой в Штаты вернется со своим самоваром...

Бык Льва Толстого. 1872-1873

- Попал ты, Степаныч, с графом в переплет...
- Хозяйство вести, не грудями трясти!
- Матвея-то бык до смерти забрухал!
- А ну, будет зубоскалить!

Управляющий яснополянским имением Алексей Степанович Орехов прикрикнул на мужиков у риги.

- Степаныч, уймись! Давно ли сам из дворовых вышел.
- Может, и недавно, твое какое дело, знай, работай!

Еще мальчишкой, «казачком», он с Львом Николаевичем попал на Крымскую войну. Вместе с ними во время осады Севастополя в бастионе жил другой офицер тоже с лакеем – редкостным трусом. Граф любит вспоминать, как паренька того посылали за обедом, и он все время уморительно пригибался и прятался от свистящих снарядов и пуль. Степаныч ничего не боялся, ходил прямо и смело, поэтому его никогда никуда и не посылали. А посылали того труса, и все офицеры выходили смотреть, как он крался, на каждом шагу припадая к земле и кланяясь.

– Да, вышел-таки из двора, теперь управляющий, приказчик. Как говорят, человек степной и ровный. Граф по-прежнему со мной на «ты». И что ж теперь будет с нами?

Летом 1872 года яснополянский бык перевернул размеренную жизнь графской усадьбы – похитил мир и спокойствие, увез, как Зевс Европу на картине Серова.

12 июля 1872 года в Тульскую земскую больницу из Ясной Поляны доставили «в крайне болезненном» состоянии крестьянина Матвея Афанасьева. В тот же день раненый скончался. Судебные медики установили, что «ближайшей причиной смерти Афанасьева были оказавшиеся у него переломы одиннадцати ребер и другие безусловно-смертельные повреждения органов грудной полости».

Через несколько дней судебный следователь Павел Васильевич Богословский по поручению товарища окружного прокурора фон-Плеве приехал в Ясную, чтобы выяснить все обстоятельства гибели человека.

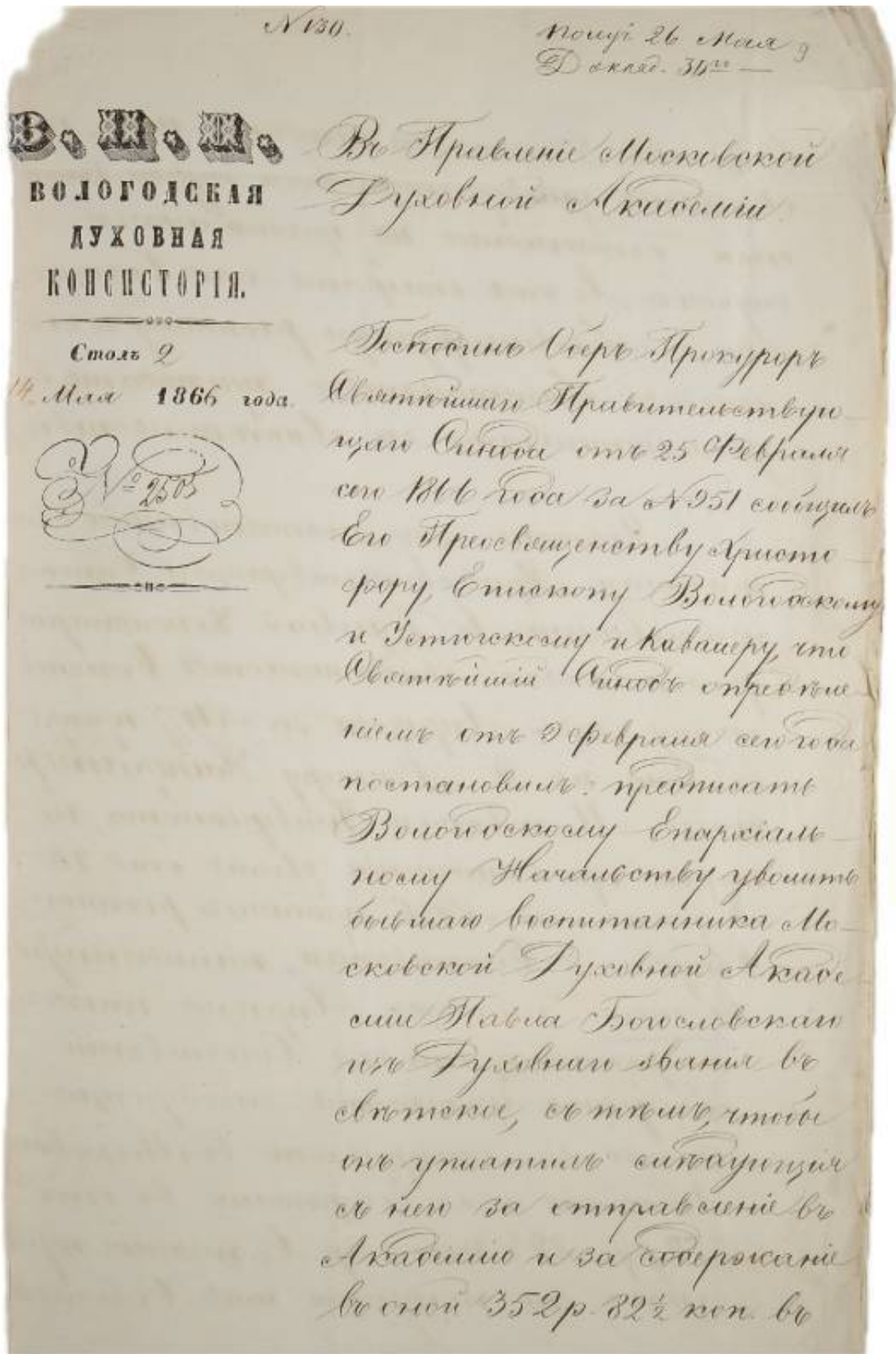
Река Воронка закружила воронку времени. Павел Васильевич вспомнил отчий дом на берегу озера Вондожское на Вологодчине. Бревенчатый храм репнопустынской Спасо-Преображенской церкви. Папенька служил там диаконом и покоится на сельском погосте. 10 лет назад перед выпускными экзаменами в Вологодской духовной семинарии с товарищами-семинаристами они ночи на пролет рассуждали о будущем. Павел Васильевич после смерти отца мог рассчитывать только на себя и милость Божию. Недаром же, он Павел Бого-словский.

Павел Васильевич блестяще прошел экзаменационные испытания и, как отличник, получил направление в Московскую духовную академию учиться за казенный счет.

– Куда бы меня ни бросила судьба, а в Вологде киснуть не буду! – с юношеским максимализмом заявил товарищам-семинаристам Богословский перед отъездом в Москву.

Стремительно пролетели два года в Духовной академии в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Преподаватели поражались эрудиции и прекрасному слогу Богословского. Учеба давалась ему легко. И даже оставалось время для работы. Павел Васильевич сразу устроился письмоводителем в канцелярию.

А потом этот страшный диагноз – «бугорчатка», чахотка или по-современному туберкулез. Доктор медицины Илья Страхов заявил, что с такой болезнью учиться в Академии никак нельзя, и посоветовал приискать место на светской службе. Павел Васильевич решил забрать документы и перейти на юридический факультет Московского университета.

Из личного дела Павла Васильевича Богословского, студента Московской Духовной академии. Фотокопия автора. Оригинал хранится в Центральном государственном архиве Москвы

Но для начала предстояло разобраться с родной Вологодской епархией: цена увольнения из духовного звания в светское составила 352 рубля 82 с половиной копейки. Ровно столько Вологда заплатила за его обучение в Москве. Вернуть эти деньги предстояло в течение трех лет – «по получении после окончания университетского курса классной должности на гражданской службе».

Университетский курс дался Павлу Васильевичу легко. Снова первый студент и отличник. Даже предоставили «пансион» для завершения образования за границей. Но, доехав до Санкт-Петербурга, молодой юрист передумал: отказался от зарубежной стажировки. Уступил место товарищу по университету и факультету Боголепову – быть Николаю Павловичу профессором, а то и министром народного просвещения. Павел Васильевич подал документы в Сенат для приискания места по судебному ведомству. И вот второй год в Тульской губернии. Исполняющий обязанности судебного следователя.

У поворота на графскую усадьбу экипаж судебного чиновника встречал глава местной полиции – исправник Семен Иванович Дубенский.

– Павел Васильевич, мое почтение! Давайте пройдемся пешочком до въездных ворот. Введу вас в курс дела.

Дубенский выяснил, что погибший Матвей Афанасьев работал у графа Толстого пастухом, и его забодал бык, принадлежавший хозяину усадьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.